

ПРОБУЖДЕНИЕ «СНЕГУРОЧКИ»

ЛЕГКО слушать музыку — труднее услышать то, о чем стремится рассказать нашему слуху и воображению прекрасный и сложный ее язык. Об этом думаешь, когда слушаешь «Снегурочку» Н. Римского-Корсакова в Большом театре в решении Б. Равенских и А. Лазарева: опера звучит свежо, ее музыкальные краски будто очищены от наслоений времени и сверкают неожиданностью перворождения. Мысль композитора открывает свои затаенные глубины. И несомненно классическая стройность форм.

Новое в этом спектакле берет начало с того, что основу своего решения режиссер увидел в драматических конфликтах: по словам Б. Равенских, они просто бьют в поэзии и музыке «Снегурочки». На одном полюсе — любовь земная, наполненная радостью и горячими чувствами, на другом — идеально возвышенная чистота порывов души, воплощаемая всей драмой Снегурочки, удивившей простодушных берендеев новым для них складом человеческой психологии. При таком столкновении драматизм судьбы Снегурочки, партию которой талантливо, с душевной чистотой исполняет И. Журина, сам заявляет о себе. Драматичность главной темы несут в спектакле и режиссерский замысел Б. Равенских, и музыкальная интерпретация дирижера А. Лазарева, и образно-цветовое решение спектакля художником А. Васильевым, и звучание голоса хора, управляемого А. Рыбновым. Отсюда весь спектакль — не идиллия счастья, а скорее лишь мечта о нем, притом нуловимо прожитая нитью горечи, в которой улавливается сожаление о его хрупкости. Сожаление философски мудрое, столь свойственное идеям драматургии Островского. Сочетание этой скрытой печали с поэтической темой природы, с прелестью народной песенности, с поэзией чувств открывает некие глубокие, как бы скрытые от привычного взгляда на «Снегурочку» нюансы музыки Римского-Корсакова: все дает новый тон, новую окраску, новую жизнь великой опере.

Отнюдь не прямолинейно, в сложном развитии, в музыкальной и действенной динамике является она нам. Тревогой, пошекспировски напряженной, насыщена знаменитая сцена, где царь Берендей отдает приказ зажечь огонь любви в сердце Снегурочки: огонь, который даст ей счастье и вместе с ним — гибель. В решении этого момента, как трагедийного конфликта, режиссер вместе с дирижером и раскрывают перед нами ту слож-

ность идей Римского-Корсакова, которая скрыта под кажущейся наивностью легенды.

Эта трактовка сделала и Снегурочку (И. Журина) и Мизгиря (И. Морозов) столь драматичными образами, что мы вспоминаем Ромео и Джульетту с их героической самоотверженной глубиной чувств. В этой трактовке для нас открываются и особые черты Леля. Пастух Лель в характеристике певицы Т. Ерастовой, обладающей красивым меццо-сопрано, выражает песенную стихию, дирижерская же интерпретация партии Леля удивительно глубока: в ней Лель — целительная сила природы, прекрасной, здоровой и — в пушкинском значении слова — равнодушной к страстям и страданиям людей.

Все это проведено через действие оперы очень чисто и бережно. Нельзя не сказать и о мизансценах Равенских, их значении в постановке. Для оперы они, быть может, и непривычны, но тем не менее открывают собственно музыкальный смысл и содержание важнейших моментов «Снегурочки».

Благодаря мастерству режиссера порой видно, как музыкальная идея эпизода очищается от мешающей ей статичной и монотонной позы певца, как пластическая тонкость построения той или иной сцены делает более ясной звучащую фразу. Примечателен своей новизной финал. Последнее прощание Снегурочки с едва открывшимся счастьем земных страстей трогает естественностью душевной грации. Прозрачной искренностью чувств исполнен чистый голос молодой певицы, появившей, что ее Снегурочка в чем-то близка и родственна многим пленительным образам женщин Островского. И, может быть, впервые в сценической истории прочтения «Снегурочки» театр не спешит присоединиться к убеждению Царя (его партию с лирической тонкостью и мягким юмором исполняет Д. Королев) в том, что не может тревожить царство гибель Снегурочки и Мизгиря, полюбивших друг друга.

Талантливый коллектив Большого театра ведет нас к познанию глубин музыки «Снегурочки», к необычности выраженных ею мыслей, к открытию лирико-эпического характера и философского содержания оперы. Именно это и является ценностью русской музыки, питающейся от народных источников творчества

Нина ВЕЛЕХОВА.

На снимке: сцена из спектакля.

Фото А. Конькова (ТАСС).

Мельничук, 1978, 8 дек.

